

ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ

ЛИСТОБОИ

СТИХИ
ПОЭМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1962

Поэт Игорь Григорьев родился в глухой псковской деревушке Ситовичи в 1923 году. Там рос и учился. С тринадцати лет пришлось зарабатывать на жизнь: крестьянствовал, рыбачил, охотился, грузил дрова... Несладко жилось, зато для него «черный хлеб никогда горьким не был».

Отечественную войну провел на захваченной врагом Псковщине.

Воевал в спецгруппе и в бригадной разведке Шестой партизанской бригады. Схоронил павшего в боях пятнадцатилетнего брата-партизана. Был четырежды тяжело ранен сам.

После многих госпиталей работал промысловым охотником в костромской тайге, фотографом в Вологодской области, геологом на Байкале, грузчиком. В 1954 году окончил литературный факультет Ленинградского университета.

Всерьез занимается поэзией с 1940, но впервые напечатался лишь в пятьдесят шестом году... Стихи публиковались в «Звезде», «Неве», «Москве», «Октябре», «Огоньке», «Молодой гвардии» и других журналах, во многих сборниках. В 1960 году в Лениздате вышла книга стихов «Родимые дали», затем в «Советском писателе» — «Зори да версты». Участвовал в переводе двух десятков книжек братских и зарубежных поэтов. Пишет и прозу. Еще в 1943 году в немецком тылу была поставлена его пьеса «Черный день», тепло встреченная народными мстителями.

«Листобой» — итог многолетней работы. Сын своей земли, Игорь Григорьев и пишет о России, о тружениках и защитниках ее, о неброской, но всегда дорогой сердцу природе, о горестях и радостях жизни.

ПРИЗНАНИЕ

Пою, Россия,
Не для шуток
Твои закаты,
Твой долгожданный первопуток,
Твои притихшие поля,
Пою дома твои
И хаты,
Свет не черня,
Тьму не беля.

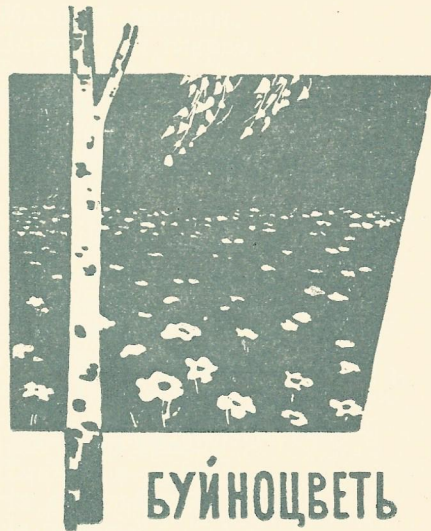
Я не проездом здесь,
Не на́ день,
Такое дело —
Мне за короткий век мой
Сладить
Во что б ни стало надо
Песнь,
Чтоб ты,
Чтоб ты ее запела,
Сказав:
— Да! Он на свете есть!

Я оступался.
Помню.
Знаю.
И падал больно.
Но никакая хата с краю,
Черна она или бела,
Мне,
Пусть невольно или вольно,
Ни разу с краю не была.

Быльем не заросло
Былое,
Не отрекаюсь.
Все горькое, лихое, злое,
Что привелось перенести,
О чем скорблю;
Молчу,
Чем маюсь,
Как я тебе, —
Ты мне прости!

Кто-кто, а ты ведь
Все-то знаешь,
До капли малой,
Припоминаешь,
Понимаешь,
Что отчего и что к чему,
Как
 то случилось,
Это случилось
И что положено кому!

1960

БУЙНОЦВЕТЬ

ГЛУШЬ

Обоймет
Молодая теплынь,
Заведет, не спрося,
В купыри
И такую поведает синь,
Хоть губами,
Хоть горстью бери!

Ох, и любо
К духмяной груди,
Обо всем позабыв,
Прикипать,
В зеленóm половодье лядин,
Ни о чем не грустя,
Утопать!

Плыть по травам,
Дышать и молчать,
На далекий свой путь
Не пенять,
Настоящую зрелость
Встречать,

Немудрящую радость
Понять.

Наливаться теплом,
Молодеть
Без боязни:
«Что́ будет потом?»
И глядеть, и глядеть,
Все глядеть
С пересошим
Улыбчивым ртом!

Ни полчуда,
Да всё чудеса:
В каждом листике —
Трепет души!
И глядят тебе в душу
Глаза
Не заглохшей для счастья
Глуши.

Ах, как ждут они!
Ясностью жгут!
В них не тишь,
А немая гроза!..
Ты взглядишь,
Ты не пасынок гут:
Ах, как ждут они,
Эти глаза!

1959

ВЕЛИКАЯ

К тебе придет
Рассеянный турист,
Взберется на карниз известняка,
Посмотрит равнодушно
Сверху вниз,
Холмистые окинет берега,
Пожмет плечами:
«Ты невелика,
Хваленая Великая река».

А я с воспоминанием вдвоем
На берегу твоём
Стою без слов:
Не нагляжусь на чистый окоём,
На стёну поседелых плитняков,
На псковских работающих мужиков,
Не надышусь лучистым холодком.

Ты слышала,
Как мать моя, стена,
У старого плетня
В ботве густой

В свои семнадцать лет
Ждала меня;
Ты видела,
Как я увидел свет —
Ярчайший,
Первый,
Густо-голубой,
Заполненный солнцем и тобой.

Не кто-нибудь другой,
А ты меня
В разгаре августа, в начале дня,
Обмыла,
Окрестив святой водой.
Потом,
Когда пришел медовый зной,
Густой, тягучий, влажный, луговой,
Ты, колыхаясь,
Гулькакая,
Звеня,
Баюкая насолнченной волной,
Запела песню дедов надо мной.

Не кто-нибудь другой,
А ты меня
Избавила от лютого огня
В пылающем сорок втором году,
Когда отряд наш
Угодил в беду
И пасть свою сомкнула западня.
Горела гимнастерка у меня,
Под сердцем жег свинец.
«Конец... конец!..»
И задыхался я, врага кляня..,

Не кто-нибудь другой,
а ты

Мне пламя залила,
И остудила боль
Живой водой,
И, от карателей пригорком заслоня,
Скрывала в камышах до темноты.
Что́ было бы со мной,
Когда б не ты!..

Ты знаешь:
Я не гость заезжий здесь,
А сын крещеный твой!
Все, все во мне твое —
Что будет
И что есть!
Где б ни был,
Я неразделим с тобой:
Твой —
весь!

И что с того,
Что ты невелика,
Родимая Великая река!

1958

МАРЬЯ СТЕПАНОВНА

Здравствуйте,
Дорогая Марья Степановна!
И давненько же с вами
Не виделись мы!
Завернем-ка,
Заглянем в прошедшее заново:
В волосах-то снежок —
Знак недалней зимы.

Что ж,
Мы с вами не так-то и плохо уж прожили:
Никогда не чурались
Угрюмой земли.
Походили мы вдоволь,
А все ж не прохожие:
Что могли — то смогли,
Чем смогли — подмогли.

В чемоданах у нас
Только песни да присказки,
Ни добра в них иного,
Ни звонкой казны.

И хоть прозы любитель
Глядит на нас искоса,
А и все же мы с вами
Ничуть не бедны.

Не бедны,
Хоть сердец от людей
И не прятали,
Что имели,
Сумели до капли отдать.
До сих пор вам никак
Не расстаться с ребятами,
До сих дней мне никак
От стихов не отстать.

Вы устали,
Голубка моя поседая,
От забот неусыпных
И вечных трудов:
Ведь поставили на ноги
Тысячу целую
За полвека
Своих дочерей и сынов!

Ничего.
Посидим вот,
Чаишком погреемся,
И — по рюмочке горькой:
За Русь не грешно!
Мы еще и теперь
Пригодиться надеемся.
Кое-кто усомнится,
Не правда ль: смешно!

Вот и ночь пролетела,
И ясная ранница
Молодыми крылами
Коснулась окón.
Не любитель я,
Марья Степановна,
Кланяться,
Но примите, примите
Мой зёмный поклон!

1960

ЛИСТОБОЙ

Бывает так:
Июлем знойным
Обронит ясьень
Спелый лист —
И сразу станешь
Беспокойным,
И день
Уже не так лучист.

Весомей дымка,
Небо строже,
Темней,
Задумчивей камыш...
И ощутишь
Горячей кожей,
Как выстывает в чаше
Тишь.

Услышишь:
Чуткая осина
Бросает в дрожь
Лесной покой,

Крадется
Сумрачной низиной
Угрюмый
Ветер-листобой.

Увидишь:
Табунится птица,
Вода стеклянной —
Глубь видна...
И вмиг
Тревога угнездится
В душе,
Распахнутой до дна.

И ты поймешь:
Не шутит время, —
Устал —
Не жди, не пощадит:
Собьет, сомнет —
Ему не бремя —
Оно везде,
Оно глядит!

1957

ЗЕМЛЯ

Неотвратимо
В белыны снега
Впивались солнечные жала!..

Земля вскипала,
Звала,
Дрожала,
Как птица пестрая,
Вздымалась к небу;
Она, захлебываясь от бега,
По всем путям
Вовсю бежала
Навстречу бурям,
Трудам
И хлебу.

И, разгораясь
Нестерпимым светом,
Переполаясь
Лучистым счастьем,
Плескаясь ультрафиолетом,
В нее влюбленное навеки

Солнце
Буйствовало от страсти.

И с каждым мигом
Далей веки
Щедрее, шире приоткрывались.
И с каждым часом
Ручьи и реки
Хмельней плясали,
Звончей смеялись.

И, полушубок потный сбросив,
Совсем не думая о морозе,
Вставала озимь
На тонких лапах
И так понятно,
Внятно-внятно
О тучных грезила колосьях.

И в ноздри бил
Нездешний запах —
Глазами видимый,
В красных пятнах,
В копейках рыжих,
В цветных накрапах.

Земля бродила,
Переполняясь соком,
Земля стонала,
Изнемогая.
И вездесущим ревнивым оком
За ней следило
Само светило,

А ливни вешние
Поили землю,
Крутые ветры
Целовали в губы;
И всё объемля,
И всё приемля,
Хозяйский долг
Выполняя свято,
Во имя будущего лета
Над нею люди-жизнелюбы
Склонялись с самого рассвета,
Не разгибаясь до заката.

Земля дрожала,
Звенела,
Пела,
Земля дышала кремнинкой каждой,
Переполняясь неумолимой,
Неутолимой
Жизни жаждой!

Все это яростное кипенье,
Биенье,
Пение,
Откровенье,
Неодолимая эта сила
Не наваждением —
Былью было:
Земля мужала,
Земля любила!

1958

НОВЬ

Ограды по обочинам
Белы,
И кряжистые избы у дороги,
И в пять рядов с боков
Кленят стволы,
И месяц над асфальтом синерогий.

Высокие железные столбы,
И дедовский
Извилистый проселок,
И песни удивительной судьбы.
Ликующие в доме новоселов.

И посвист перепелок:
«Спать пора!»,
И стародавний тенор петушиный,
И битюги стальные —
Трактора,
И рысаки в огнях —
Автомашины.

И древние селения славян:
Туготино, Болото, Пустошь, Уза...
И на полях
Не гостя теплых стран,
А псковская жиличка — кукуруза.

И на кресте дорог
Церквушки сруб,
Заросший мохом,
Как зеленым мехом,
И рядом с нею —
Двухэтажный клуб,
Залитый электричеством и смехом.

И след звезды,
Сгорающей дотла,
И след звезды,
Зажженной человеком,
И нашей жизни даль,
Светлым-светла,
В которой ждет нас
Встреча с новым веком!

1958

* *

Из почки невзрачной и малой
Сучок пробивается
Алый.
За ним —
Сивый пращур: дед ясен;
Пред ним —
Луг, раздолен и ясен;
Под ним —
Хлебосольная глина
И камень,
Холодный, как льдина;
Над ним —
Соловьи на рассвете,
И солнце без усталости светит,
И зябкие черные ночи,
И коршун клекочет,
И тучи багровые вьются,
И ливни лиловые льются,
И воет неласковый ветер,
И стелется ласковый вечер...
Растет он,
И прост и упорен,

То светел,
То темен,
То черен,
То выкрашен в тон небывалый,
Но все-таки алый!

1957

РОЖДЕНЬЕ

Срок пришел —
Не отложишь.
Бросил серп
И с полей
Попорол тятка.
Рожью,
Не жалея лаптей.

— Гришкин Колька-то!..
— Лихо!
— Эх его припекло!
— За нянькой Кузьмихой
Почесал на село...

Битый час
Повитуху
На закорках волок.
— Ну, попала в поруху:
Духу не-егу, милоч!..

В дом вошли —
На колени

Бабка прежде всех дел
(Там в большом углу
Ленин
С портрета глядел).

У древнейшей старухи
Глаз, понятно, не тот.
— Боже,
Дай молодухе
Счастливым исход!..

Намолилась.
— Встань, выйдем:
К речке надо бы, Марь...
Там и свет я увидел,
Синеглазый скобарь.

Всем невидящим
Ясно,
Кто я такой.
Ведь с начального часа
Был
Ленин со мной!

1960

* * *

Приходи
С любым сомнением:
Только глянешь раз-другой —
Сразу
С полным откровением
Все до дна перед тобой!

Тыща тропок непроложенных:
Сила есть —
Валяй тори!
Сто путей незагороженных —
Все твои,
Иди бери!

Загрустит плечо широкое
По работе —
Не тужи:
Дело —
Дело недалекое!
Что умеешь — покажи!

Подустал —
Шоферу каждому
Голосуй:
— Подбрось, дружок!.. —
Перехватит горло жаждою —
До воды один шагок.

Ночью
Месяц в каждой лужице:
Не оступишься в тени.
А сердечку занедужится —
В клуб под вечер
Заверни...

И за горечь
За отрадную,
За неброский угол наш,
За низину ненаглядную
Всю-то кровушку
Отдашь!

1960

* * *

А. Паркаеву

В деревне сейчас
Полонила поляны
Такая большая трава!
На зорях
Гривастые бродят туманы
Да плещется синь-синева.

Бездонное небо
Звенит и ликует —
От крыш невысоких
До звезд,
И, годы суля мне,
Кукушка кукует,
И мир удивительно прост!

По-доброму слажен:
И точен и прочен,
Всему свой и срок и черед.
Здесь даже осиновый тын у обочин,
Что может,
От жизни берет.

Он корни к земле протянул,
Хоть и трудно —
Стоит,
Не умея тужить,
Растет,
Лопушится листвой изумрудной,
Спешит, сколько можно,
Пожить.

На нем восседая,
Петух горлопанит —
Куриного дома глава,
Шумит,
Как форсистый подвыпивший парень,
Которому все трын-трава!..

И солнце зайдет —
Ни единой минуты
Зеленая ночь не молчит:
В высокой осоке
И рьяно и люто
Зовут дергачих
Дергачи.

Торопится в Ильмень,
Бежит с переката,
Смеясь и воркуя, Шелонь,
И снова припевки слагают девчата
И трогает сердце гармонь.

Весь ласковый мир,
До былинки понятный,
Поет,
Не давая заснуть.

И Родина
Ширью своей необъятной,
Как воздух,
Вливается в грудь.

1959

ВЕСЕЛОЕ

Дорогая кума,
Тетка добрая,
Давай выпьем вина,
Закусим воблюю!

Погляди: в небеси
Поварешками
Две Медведицы синь
Плещут в плоски нам;

Ловит месяц-карась
Мошку звездную.
На олешнике бязь,
Вязь морозная.

В эту ночь только петь,
Только пить чай!
Отпирай-ка подклеть,
Мед, кума, не таи!

1949

НАЧАЛО ПЕСНИ

Чуть шевельнув крылом,
Ты начиналась так:
Проклеваный вешним теплом,
Лед набухал и мяк.

Красные вздыбив лучи,
Распалялся солнца костер;
Клокотали, булькали косачи,
Точь-в-точь кипящий котел!

За долгую ночь настыв,
Холм поеживался рябой.
На откосе белили холсты
Молодухи гулкой гурьбой.

Сóхи ладили мужики;
Комарня толклась промеж рам.
На прогалине у реки
Пели девки по вечерам.

А у них в подголосках — апрель,
Балалаечник-ветер, ручьи.

От земли растекалась прель,
Щекотала ноздри мои.

А потом налетала гармонь:
Как вскуражится в пальцах отца!
Забирала в свою ладонь
Несмышленное сердце юнца...

Мне всю душу заполонив,
Песня крепчала так:
С тощих любимых нив
Плыл сырой полумрак.

Но хлестанула весть,
Как тысяча майских гроз:
— Будет отныне здесь
Колхоз!!!

И в подтвержденье сего,
Новым мотивом гремя,
Трактор ворвался в село,
Царство сохи громя!

И почин небывалый тот,
Ошеломляющ и прям,
Как топор,
Раскаленный народ
Межевал, кромсал пополам!

Деревню кружило, трясло,
Кто пел, кто хрипел там:
— Жить!..

И выбрал я ремесло:
Песней людям служить.

1959

* * *

В. Шошину

Хорошо
Тишайшим полднем,
В желтизне теряясь тучной,
Отзываться
Сердцем полным
На призыв земли беззвучный!
Слушать
Листьев небылицы
И загадки
Без отгадки,
Со своей тропой сродниться
Без сомненья,
Без оглядки!

1960

В ВОСКРЕСЕНЬЕ

В первый день июня на рассвете
Тропкой неширокой и неузкой
Человек шагал, Григорьев Игорь.

Как я удивился, тезку встретив
В торфяной низине старорусской,
Под ольхою, где бурела выгарь!
Как я позавидовал ему —
Молодому, тихому, простому,
Доброму братану моему!

Квакали лягушки в ранней рани.
Мир клубился, пенился, бродил.
Соловьи трезвонили в тумане.
Словно конь, отведавший удил,
Лось бродил, но к нам не подходил.

Разгорались на восходе дали:
День воскресный шел издалека...
Караси, похоже, крепко спали:
Даже на жирнейших червяков
Сонные тетери не клевали —

Уж такое счастье рыбаков:
Сами, если удили, знавали.

Что же делать! Натаскали дров,
Рюкзаки с харчами развязали,
Поневоле чай взялись варить,
Без заварки крепко-золотистый,
Отгонять махрою хоботистых,
Тонкоголосистых комаров.
Стали не спеша у шалаша
О делах житейских говорить.

В этот день, прозрачный и лучистый,
Мы проговорили с ним до полдня,
Так что чайник трижды выкипал...
И над нами влажный и смолистый,
Хмельною медью переполнен,
Необъятный воздух бушевал!

А под нами корни голубики,
Стебли мха, кувшинок и осоки,
Луковицы, зерна и цветы
Пили из земли живые соки,
Набираясь мудрой простоты,
Жизнелюбия и красоты!

1958

ОГОНЕК

Что же ты несветел,
Огонек в окне?
Тужит резвый ветер
Обо мне.

Что же ты несветел?
Нет на то причин:
Я на белом свете
Не один.

Заиграй на тыне,
Тропку освети:
Мне сюда отныне
Нет пути.

1940

ДВЕНАДЦАТЬ КАРТИНОК

Д. Елифанову

1

В январе на озере толстый лед,
Жгучая поземка водит хоровод,
Беляки в полуночь пляшут на снегу,
И стучит сердито мороз в логу.

2

В феврале на озере нету ни души,
Только ропщут серые камыши;
И напрасно пешнями мы кромсаем лед:
Полосатый окунь блесен не берет.

3

В марте снег на озере сжало в пласт,
Светится, похрустывает плотный наст,
С неба в шубу зимнюю бьют лучи,
И на зорях яростно бьются косачи.

38

4

А в апреле озера не узнать:
Дышит и вздымается пенистая гладь,
В мелководных заводях щучий плеск,
И повсюду радужный пляс и блеск.

5

В мае стонут селezni в берегах,
Ходят громы громкие в облаках,
Ливни льют лавиною, над водой
Тростничок выныривает молодой.

6

Но июнь на озере всех милей:
Рви кувшинки белые, не жалеи!
Рви кубышки желтые, не жалеи!
И тягай на удочку злых ершей.

7

А в июле озеро горячо:
Солнце неумное так печет,
Солнце так наяривает целый день,
Что одно спасенье — в парной воде!

8

В августе на озеро сходит тишина,
В воду опрокинута, дремлет вышина,
И густые, влажные, словно белый дым,
По утрам туманы висят над ним.

39

В сентябре на озере холод-холодок,
Резвый и задиристый ветер-ветерок,
Гребешки, волнение, переплеск,
Устиляет охрою воду лес.

В октябре на озере княжит синева,
В синеве синеющие тают острова,
Гоголей горластых гулкий гам,
И кусты сквозные по берегам.

В ноябре на озере ходит вал:
Не на шутку сиверко воду взволновал;
Залегли в глубины карпы и лини;
Почернели ночи, похмурели дни.

В декабре неистовое помело
Ледяное зеркало снова замело;
Приумолкло озеро в белизне,
Может, призадумалось о весне?

1948

* * *

Всё луга да лога,
Буйноцветь да медынь,
И стада и стога,
На поляне польнь.

С лаской каждый лесок,
Всякий дом на пути
Зазывают:
— Сынок,
Погостюй, заходи!

На, поешь,
Вот, попей,
Поостынь, покури:
Мы не станем бедней.
На здоровье, бери!

Удружить еще как,
Чай, ведь нашенский сын?
— Вот трояк...
— Брось, чудака!
Помни: ты не один.

1946

* * *

Тряхнул плечом и грянул
Ливень,
Сминая сушь, взбивая пашню,
И в черный лес лиловый бивень
Вонзился
Радостно и страшно!

Листва встопорщилась,
Запела,
Вскипела весело и яр!
Луг приумолк оторопело,
Вскурился розоватым паром.

Запрыгал белый град горохом,
Клокочет голубой дождище!..
Гуляй, гроза,
Грози и грохай —
Да будет день добрей и чище!

1940

* * *

Облетевшие березники,
Туч косматые стада.
Не играет больше
Песенки —
Плачет в реченьке вода.

Коротко оно на севере —
Лето:

Сплыло, уплыло.
Северит, шаманит северик,
Хмурит властное чело.

В перелесках ерепенится,
Крутит
Сбитые листы,
День и ночь сгибать не ленится
В три погибели кусты.

Только к холоду привычная,
Озимь пуще молодá.
И подземная, криничная,
С каждым днем
Теплей вода.

1948

* * *

Ю. Паркаеву

Я иду через покосы
Прямым,
Я иду, простоволосый,
Далеко.

А вокруг меня давнишняя
Родня:
Бусы свещивает вищенник
С плетня.

У дороги дремлют вязы,
Вьется хмель,
Над колодцем долговязый
Журавель.

Утро искры горстью мечет
На пруду...
Ничего, что мне далече, —
Я иду!

1947

* * *

Есть на Порховщине
Речка Веретенка.
Зяблик на лещине
Там звенел и тенькал.

Крохотная пташка:
Перышки да кости,
Алая рубашка,
С прозеленью хвостик;

На ночь угнездится
Под листком ореха,
В горсти уместится,
А душе — утеха.

Так и Веретенка,
Светлая водица:
Узка, коротенька,
А не надивиться!

Заросла кугою
От ключа до края,

Выгнулась дугою,
Тихая такая!..

Много рек я знаю,
Помню все походы:
Плавал по Дунаю,
Видел Вислы воды,

Объ меня вздымала,
Обошел всю Волгу,
На Неву, бывало,
Сматривал подолгу.

Но лишь эта речка
В сажень шириною
Стала мне навечно
Матерью родною.

1959

ПРИГЛАШЕНИЕ В ДЕНЬ

День засеян буйным светом:
Весь насолнчен,
День усеян разноцветом
Неумолчным,

До макушки нежным жаром
Промедвянен,
Горьковатым хмелем ярим
Отуманен.

Он силен, как наши плечи,
Он огромен,
Как заботы человечьи,
Неуёмен!

Бережлив, как наши руки,
И проворен:
Сколько к полдню у излуки
Скопит зерен!

Сколько песен сложит за день,
Сладит прясел!..

Он, как песня, прост и складен,
Ладен, ясен.

День доверчив, как ребенок.
Росной ранью
Он криклив, как сто бабенок
На собрание!

День, как ворон, недоверчив —
Зоркий, хмурый.
Сладкий пыл его подперчен
Пылью бурой.

День, как счастья ожиданье,
Бесконечен,
Он короче, чем свиданье
В белый вечер.

День, как доброта людская,
Необъятен,
Он как совесть: не страшая,
Беспощаден!

В нем и праздничный угар
И праздник буден...
Выбирайте:
Дар?
Удар?
Входите, люди!

1956

ЗАМОРОЗКИ

4 И Григорьев

* * *

Как понять:
Где тут был,
Что тут сказка?
Чем берешь ты?
Чем держишь меня?
Даже лютая стынь твоя —
Ласка,
Даже тьма твоя —
Проблески дня!

За околицей —
Хлесткая вьюга,
Чуть за полдень —
А в небе
Закат.
Только мне ты,
Немая округа,
Откровенней чужбины стократ.

Старики
Не бойки в разговорах,
Больше слушают,

Курыт, молчат,
Но тебе
Новостей целый ворох
И без слов
Их глаза налучат.

В дальний клуб
Проводить не откажут:
— Земляку хлеб и соль
И почет!..
Развеселою пляской
Уважат,
Вроде усталъ дневная
Не в счет.

Ни словца
Про свои неполадки,
Словно доля,
Как праздник, сладка,
Будто в лица им
Горькие складки
Не впечатала
Жизни рука,

1961

СИМА, СИМА

Поговаривают свахи про тебя,
Будто замуж ты выходишь.
Не любя
И что будущий твой муж
Учен,
Богат,
Он
К тому ж
Переезжает в Ленинград.

— Городское у него рукомесло,
Руки белые —
Тонкая кость...
Словом, парень
Оторви да брось.
— До чего же нашей Симке повезло!

— В Ленинграде — не в колхозе,
Не в селе:
Падай óземь —
Рук не вычернишь в земле.
— Не житье там,

А малина!
— Чудеса!
В магазинах —
И капрон и колбаса:
Сколько хочется душе,
Бери.
— Подвалило счастье,
Что ни говори!..

Иль не правду про тебя говорят?
Что ж ты, Сима,
Погасила
Гневный взгляд?
Что глаза твои кусает
Стыд, как дым?
В жар бросает
Невеселый смех девчат?
Холодят
Брови хмурые парней?

Что ж ты делаешь
С сердцем молодым?
Что ж ты делаешь
С совестью своей?

1952

ОМУТЫ

Ивану Шевцову

Молкнет,
Хоронится ночью
Живность дневная окрест.
Воплем
Совиным и волчьим
Полнится выставший лес.

В заводи,
Черной, как деготь,
Грузно полощется сом.
Воду сгущенную трогать
Боязно мальцу веслом.

Яростно
В тонкое днище
Ломятся лапы коряг,
Мокрой глухой бородищей
Шапку
Сшибает бредняк.

В уши
Пугливую небыль

Шепчет сторожкий камыш.
Омут
От звездного неба
Только рукой отличишь...

Сердце
Толкается гулко,
Зябким жарком обдает:
Качкая дедова «тулка»
Часто осечки дает.

Рявкает ночь от дуплета...
Щелкнул
Взведенный курок...
Пусть не убыстришь рассвета —
Вспугивай тьму,
Паренек!

1959

В МИХАЙЛОВСКОМ

Конек семенит неторопко,
От зноя мигают поля.
Знакомая сызмальства тропка!
Притихшая мать земля!

Сыпучий песок, да ухабы,
Да лес разомлевший, немой.
Навстречу — господские бабы
Да нищий с дырявой сумой.

И родина сердце ласкает
До муки, до боли, до слез!..
Растает и вновь заплескает
Нежнейшая снежность берез.

Юбчонки задрав по колено,
Полощется стайка ракич,
Ветряк караулом бессменным
Стоит на юру, у реки.

Безбрежного лета истома
Засыпала сад белизной.

И тянет знакомым-знакомым:
Поземом да гарью лесной.

Въезжают с кряхтением колеса
В голодное горло ворот.
Девчонка, боса и льнокоса,
С испугом о счастье поет.

Как спорить с лихою судьбиной
Отправился любый в сыр-бор.
А взгляд у нее голубиный,
Что зеркало псковских озер.

Звенит голосок сиротливый
Про злую недолю-нужду.
А взгляд у нее терпеливый:
Иди, я тебя подожду!

Останусь я верной навеки,
Ты только врага победи!..
И Пушкин слезает с телеги,
И лед закипает в груди!..

Четыре тесовых ступени,
Обвитое хмелем крыльцо.
И сразу не гнутся колени,
И жар застилает лицо!

У двери — отец благочинный,
Как слобный пасхальный пирог.
Закваска извечной кручины
В изрубленный въелась порог.

Слежавшейся сажей и луком
Изба прочадилась насквозь.

С иконы с упреком и мукой
Облупленный смотрит Христос.

— Ах, нянюшка!
— Мой голубочек?
Живехонек! Ну, молодец!
А я-то уж пятый денечек...
Глаза проглядела вконец.
Так, значит, вернулся,
Так, значит,
Теперича снова со мной?..

За желтой слюдою маячит
Июльский полуденный зной.
За темным окошком, вздыхая,
Смеясь, задыхаясь от слез,
Ждет часа люта́я, святая
Россия — предвестница гроз!

1946

* * *

Мартовским морозцем обогрет,
Думами земли
Заполонен,
Я торю,
Какой умею, след:
Не велик —
Зато надежен он.

Не петляю,
Как хитрец беляк, —
Шаг за шагом
Уминаю снег...
Может, следом
Выйдет на большак
Сбившийся с дороги человек.

1953

* * *

Ты мне кажешься полем
На закате под осень,
Молчаливою болью
Несжатых колосьев.

Ветер стебли ломает,
Губит спелые зерна.
Ни души. Налетает
Ночь орлицею черной.

Неуютно и пусто —
Ни тепла, ни участия.
Шорох, тихий и грустный,
Замирает в ненастье,

Тонет, впитанный небом,
Низким, зябким и строгим...
Стать могла бы ты хлебом
Человеку в дороге.

1948

ДОРОГА

Когда тебе станет
Некуда деть
Нахлынувшую тревогу,
Садись в вагон:
Не ленись глядеть,
Как даль
Раскрывает дорогу.

Не куришь — не надо,
Куришь — кури,
Как знаешь,
Не в этом дело:
Смотри,
Как желтеет кромка зари,
Как согревает тело.

Встает ли солнце,
Садится ль оно,
Зима ли за окнами,
Лето,
На юг ли, на север ли путь,

Все равно —
Важно совсем не это.

Можешь молчать
Иль вступить в разговор,
С того ничего не прибудет.
Но слушай,
Как под колес перебор
Смеются и тужат люди!

Гляди, как шарахаются кусты,
Как поле пляшет и кружится,
И мысли придут,
Ясны и просты,
И на сердце разнедужится.

В глазах —
Теплей, ясней, голубей,
Хоть смотришь в себя ты строго...
Главное —
Это от всех скорбей
Верное средство —
Дорога!

1946

ЖАВОРОНОК

Наяривал полдень,
Гулял,
Вставал на дыбы,
Как норовистый конь;
Храпя в берегах,
Топча краснотал,
Неслась неудержно
Тихоня Шелонь!

От ветра и солнца рыжя,
Смеялась вода
Каплей любой,
И, снег ноздреватый круша,
Врывался в гущины
Горячий прибой!

Намаявшись
В зимней узде,
Вверху и внизу,
В порыве хмельном,
Куда ни посмотришь —
Везде

Все пело,
Кипело,
Бежало бегом!..

Который уж час я подряд
Вдоль озими шел
По жухлой стерне
И был почему-то не рад:
«Денек-то, денек-то!
Чего ж еще мне!»

Я долго глядел
В спящий зенит.
И вдруг до сознания дошло моего:
«Единственный жаворонок звенит!
Над полем огромным —
Один всего!»

И горечью сердце
Враз обожгло,
Я к людям вбежал и спросил:
— Да как же
Такое случиться могло?
В ответ
Агроном пробасил:

— Что делать!
Нельзя ж не удобрить полей:
Ведь хлеба-то все хотят.
А птахам каюк,
Жалей не жалей:
Лес рубят —
Щепки летят!..

— Поймите меня,
Гражданин полевод:

Хлеб хлебом,
Краса красой.
Пора вам
Позорче глядеть вперед
И быть подобрее с весной!

1957

* * *

Тонкий ломтик лунный.
Первая звезда.
Хриповато-юный
Пересвист дрозда
На осине синей,
Над речонкой звонкой.

Теплая прохлада,
Настоящий час;
Так немного надо,
Сердцу — в самый раз:
Бьется ровно,
Словно
Ладно все и складно.

1959

БЕРЕЗОВЫЙ СОК

Мой родитель,
Чудак поэт,
Много разных песен сложил.
Что бумаги извел —
Счету нет!
А коровки вот не нажил.

Самодельных
Из сажи чернил
Не одну бутыль перевел,
Но полушки не накопил.
Так и жил он,
Гол как сокол.

Одолела нужда
Мужика:
Хоть шаром покати в дому.
Мы не видели молока,
На подножном жили корму.

У печурки, бывало, сидим —
Завывает ветер в трубе

Да в омшаре
Бирюк-нелюдим
Голосит о горькой судьбе.

Говорил смущенно отец:
— На горбушку,
Пожуй чуток!
А настанет зиме конец —
Станем пить
Березовый сок!..

Добрый март,
Наконец, приходил,
Прогонял трескучий мороз.
И меня старикан уводил
В белобокую рощу берез.

Сладкой влагой
Вволю поил,
Приговаривал:
— Пей, сынок!
Набирайся скорее сил,
Из родимой земли он,
Сок!..

Он и вправду силу мне дал,
Нежность влил мне
В сердце и в стих:
Разносолов я не едал,
Ну, а вырос не хуже других.

1959

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

До чего же невеселая картина:
Глухо чавкает
Расквашенная глина,
Кажут ребра
Отощальные ракиты,
И не небо —
А всего большое сито.

Только стужа:
День погожий и не снится.
Прослезило —
Негде глазу приютиться.

Плотный сумрак наплывает
Тихомолком.
По округе рыщет ветер
Серым волком.

Над канавой — ни листочка,
Только прутья!
Будто в сказке,
Воронье над перепутьем.

Где ж то золото,
Что в песнях пламенеет?
Где ж то солнце,
Что зимой и летом
Греет?
Вместо золота —
Пожухлая рогожа.
А пойд
Найди
Роднее и дороже!

1946

РАЗЛУКА

Я ведь знаю,
Что ты скажешь,
Бросишь:
«Сердцу не прикажешь...»
Понимаю, дорогая,
Сердце вольно:
Не привяжешь.
Понимаю,
Принимаю —
Только сердцу
Не докажешь.

1955

* * *

Осень стежки перепутала,
Раскидала жар студений,
Даль стеклянную окутала:
Что же будет с молодёной?

В плат узорчатый наряжена,
Ждет невеста-роща
Ветра.
«Где ж ты, суженый мой, ряженный?..»
Ни ответа, ни привета.

И развиднело и смеркнуло —
Не является пригожий.
Облетает в заводь-зеркало
Красно-желтая пороша.

Ничего не надо дёвице:
Ни сережек, ни запястий.
На одно она надеется —
На ненастье!

1947

* * *

Плотными сумётами
Добрые места
Доверху заметаны:
Так, что ни куста.

Сровнены-заровнены
Топи да бугры.
Все тропинки кровные
Скрыты до поры.

Но люблю над озером
По снегам бродить,
Колющую прозелень
Пригоршнями пить,

Под лесистой кручею
Слушать снегирей,
Ожидая лучика
В сутемени дней!

Все ловлю за вьюгою
Вешний клич воды.
Все хожу аукаю:
— Где твои следы?

1948

СВЕРСТНИКИ

Н. П.

Не часто
С радостью встречались,
В окопах с юностью прощались,
Сжимая зубы,
Бок о бок мы
Со смертью жили,
Но жили,
Жизнелюбы!

Припомнить страшно,
Как мы ходили в рукопашный
По чистому полю,
Переполюсь гневом и болью,
Глядя невидящими глазами,
И крестились
В огненной купели!

Мы насмерть бились:
И убивали
И умирали сами!
Но нежностью не оскудели,

Но чистым сердцем
Не ожесточились.

Мы смотрим
Ясными очами
С теплой грустью
На путь за плечами,
Путь нелегкий и неблизкий:
Из захолустья —
На край света,
От Мсты да Узы —
И до Шпрее,
От школ вечерних —
До университета!..

Зрелостью согреты,
Мы стали проще и добрее,
Строже и прямее —
Чуть ли не поэты.

Работяги сами,
Всех делом мерим
И свято верим:
Нет работы черной
И зазорной,
Честный труд
Не бывает грязным.
Для нас любое дело,
Лишь бы потруднее, —
Праздник!

1959

РАЗГОВОР В ПУТИ

— В вашем поле, как в пустыне,
Тучи снежных стрел...
— Я, миляга, к нашей стыни
Сердцем прикипел.
— В этом радости немного.
— Хватит: можно жить.
— Не наезжена дорога...
— Стоит ли тужить!
Проминать дорогу будем:
Ноги-то ведь есть.
— Не пойму, как могут люди
Радоваться здесь?
Очень трудно догадаться,
В чем тут соль, старик?
— Поживи тут зим пятнадцать,
Смотришь — и привык...
Эй, метель, крути усердней,
Набирай разбег!
Нам не первый, не последний
На голову снег!

1946

ЕГОРОВНА

Сыскала хорошее слово.
Пригрела шершавой рукой...
Откуда в ней столько живого,
У старой,
У тихой такой?

...Растила, растила, растила.
А лишь повзрослели сыны,
Сама
Восьмерых
Проводила,
Чтоб жизнь заслонить от войны!

И восемь,
Ведь восемь,
Все восемь
Назад не придут никогда!..
В трубе потешается осень,
За дверью дрожат холода.

А с нею —
Пять внучек, три внука,

Хозяйство —
Петух да коза...
Тоска приходила без стука
И в сердце без спроса ползла.

А все на судьбу не пеняла,
Когда уж:
Растила внучат.
Все-все,
Все, как есть, принимала,
Лишь вывести б в люди галчат!..

Откуда в ней силы,
Скажи-ка,
Ответь-ка мне,
Критик умнóй, —
Ведь восемь десятков отжито —
Не восемь полей за спиной!

Ведь встречено
Столько напастей,
Ведь видено
Столько беды,
Ведь к ней
Даже малого счастья
Виднелись не часто следы!

Я знаю:
Ты с гордой осанкой
На миг оторвешься от дел:
— А как же, она россиянка.
Какой величавый удел!

Все просто:
Такие уж люди,
Железные
В гордый наш век...
Ах, критик, чудака человек,
Давай-ка уж лучше не будем!

1953

* * *

Частый дождь с утра зарядит
И неделю не проходит.
Не выдерживает дядя:
— Чтоб ей, чертовской погоде!
Чтоб те пусто, окаянной!
Без отдышки так и цедит.
Не большак — кисель овсяный.
До потемок не доедем...

Целый день режут машины,
Надрываются моторы.
Лужи, тучи, луговины,
Перелески, косогоры.
Серо, ветрено и пусто.
Нескончаема дорога.
Жаль чего-то, зябко, грустно...
— Солнца! Солнышка б немного!

1940

У ВОРОНЬЕГО КАМНЯ

— Тут неглыбоко:
Выбредай на берег.
Моторист,
Побереги бензин...
Как рогатые чудные звери
Над туманом
Маковки ольшин.

Теплые такие завитушки
Облепили вешнюю лозу,
Будто бы пушистые зверюшки
Заробели ночевать внизу.

Одурманен брагою смолистой,
Я все пью,
А та хмельна, остра...
Явственно,
Как рыболов плечистый,
Давнее садится у костра.

Вижу крестonosцев
В тяжких латах,

Лапотные рати псковичей,
Братьев-новгородцев бородатых,
Гульбище
Разгневанных мечей!..

И под шепот сосен на курганах,
Жаркими глазами загрустя,
Рулевой поет о партизанах,
Выдюживших
Семь веков спустя.

И не распознать,
Где явь, где небыль:
Как с далекой далью —
Близость-близь,
Как с водой зыбучей —
Крыша-небо,
Сказка-складка с песнею слились.

Хлюпает
С грустинкой задушевной
Смирная вечерняя волна.
По лугу русалочьей царевой
Косыньки рассыпала луна.

Бьют лещи,
В затоне кряквы крячут,
Над огнем
Мелькает козодой...
И сулит нам
На заре удачу
Теплый низовик береговой.

1950

* * *

Т. Б.

Скошенные травы
Пахнут по-особому:
Грустью,
Безграничем полевым...
Тишь-прохладой схвачены,
Приумолкнем оба мы,
Два дыханья частых
Затаим.

А кругом
Потемки пенятся
Сугробами,
Сизая-пресизая
Ворочается глыбь,
Да, прощаясь
С тихими травными чашобами,
Гукает и всхлипывает выпь.

Есть о чем печалиться
Серой полуночнице:
Обступают, полонят
Стога...

Гнется буйнотравье,
Об ноги полощется,
И о трактор
Чешет конь бока...

Почему ты вздрагиваешь?
Далеко до осени:
Щедр июль,
И тепел,
И погож!..
Вовсе не чужими чьими-то
Покосами,
А по своему добру идешь!

Добрая-предобрая,
Русская-прерусская,
Нас земля баюкает с тобой!..
До зари недолго:
Розовинка узкая
Косарей скликает в травостой!

1959

ОТПОВЕДЬ

Мне говорят
С авторитетным вздохом,
С претензией
На «мировую» грусть:
«Товарищ,
На земле сейчас
Эпоха,
Ракеты,
Новый стиль,
А вы — про Русь!
Одумайтесь!
Всерьез предупреждаем,
Повелевает новь:
Старье долой!..»

— Я вовсе не товарищ вам,
Граждáне,
Сховавшие булыжник под полой!

Не вам одним —
И «темным» людям
Ясно,

Что сын
Моложе старого отца,
Что лайнер «ТУ»
Быстрее тарантаса
И тепловоз
Дюжее жеребца.

Вот вы
Безоговорочно и рьяно
Спешите их списать
С лица земли.
Но и телега
И конек буланый
России послужили
Как могли.

Да, время небывалое
Настало,
И новь
Кому сегодня не видна!
Но ведь эпоха
С неба не упала:
Она российской кровью
Зажжена.

И лунник,
Землю и Луну потрясший,
Хоть как верти
И что ни говори,
На языке
Отцов и делов наших
Во все земные
Вписан словарю!

1960

ВЕСЕННЕЕ

Давно ли улетали
Журавли
С обжитых мест
На край чужой земли,
И до листка чашобы облетали,
И ледяные ветры налетали
С пустых морей
В тепло густых полей?

Туманились, белели,
Стыли дали,
Метели пели,
Пели и плясали,
И вьюги по округе завывали,
Колючую поземку завивали,
Заветные тропинки завевали.

Шумели ели,
Солнце еле-еле
Бросало сквозь прореху плотных туч
Бескровный, как ледышка, скользкий луч.

Давно ли было так?
Совсем недавно:
Почти вчера,
И все же так давно!
Сегодня ясности ожить дано,
Бубнить капли,
И пригретой ели
Стряхнуть с повислых плеч
Налипшие снега,
И шапку зимнюю смахнуть стогам,
И панцирь тяжкий вдрызг
Ручью разбить,
И радугу из брызг
Над полем водрузить!

Сегодня сердцу отгадать дано,
Как на краю земли,
Не ведающей зим
И всё-таки холодной,
О лядах и полоях журавли
Горланят вдохновенно и свободно,
Поднявшись на крыло с чужих болот:
— Домой, домой,
В обратный перелет!
— Домой, домой!
Без нас не сгинет лед!
За мной — домой! —
Трубит вожак седой.

Дано сегодня солнцу полыхать,
Сугробам пламенеть,
Синице петь,
Груди весну вдыхать,

НАБАТ

Обозы,
Обозы,
Обозы —
Такое,
Как в дни старины!
Искромсаны в щепки березы
Нещадной секирой войны.

И стынут
В тепле буйноцвета
Мужья... Бобыли... Сыновья...
Не сделано столько!
Не спето!
А в рощу
Веселое лето
Вселило для них соловья.

И кажется — тучные нивы
Рыдают о каждом:
Проснись!..
А в селах
Глухие разрывы
Да толлом пропахшая жизнь.

Щетинится жердь у омета
Вихрастой духмяной листвою.
А в поле
Стучат пулеметы,
Свинец высеваея густой.

И день
Непроглядью лохматой
Задернут на тысячу верст.
Отчизна!
Твои ль это хаты
С окошками, полными слез?

Твоя ль это радость лесная?
Кладбищ вековечная грусть?
Вот этот,
Как рана сквозная,
Большак
В заповедную Русь?

И эти бредущие люди?..
Бедует набатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит,
Что будет!
Что было!
Что есть!

1941

ПОМНИТЬ

Я помню
Горестную ночь,
Тротила адскую работу,
Вконец измотанную роту,
Невластную
Земле помочь;

Сорвавшуюся с цепи смерть,
Бездомных беженцев,
Обозы
И тучи лютых бомбовозов —
Огня и крови коловерт;

Совсем последний
Эшелон,
Крик паровоза,
Долгий, дальний,
Последний, страшный
Крик прощальный,
Оставленных протяжный стон.

Я помню,
Помню тот рассвет,
Когда на русском полустанке
С крестами зарычали танки.
Пощады нет!
Спасенья нет!

Я вижу,
Вижу, как сейчас,
Зелено-желтую лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз...

Метались люди, как в бреду,
Тускнело солнце в черном небе,
Плясал огонь
В созревшем хлебе,
Гудел набат,
Вещал беду!..

Цвели поля —
И нет полей.
Поселок был —
Кругом лишь трубы.
Любило сердце, пели губы,
Ласкали матери детей...

Умолк до времени напев.
Остался в сердце только гнев,
Непримиримый,
Жгучий,
Грозный!
Враг это понял слишком поздно...

А мне мерещатся доньне:
Ребенок,
Втоптаный в песок,
Забитый трупами лесок,
Лохматый пес,
Застрявший в тыне...

Они велят:
Ты расскажи,
Как бушевали сталь и пламя,
Пусть сохранит бессмертно память
Всю боль,
Всю маяту души!

1950

ВО ТЬМЕ

Захолнуло сердце
От горя и боли:
Над солнечной родиной
Лютая ночь.
И сестры в полоне,
И братья в неволе,
И горькому горюшку
Нечем помочь!

Ну, что я такое?
Не конный, не пеший,
Не вихрь:
Не разветрю неистовых туч...
Засмейся в глаза,
Заведи меня, леший,
В трясиной зыбучке
Раздумьем замучь!

Пускай подписал мне погибель
Вражина,
Что толку,
Любить не заставил тюрьму.

А землю сырую
У горького сына,
Россию мою
Не отнять никому!

1942

* * *

А. Поперечному

В селе петушья куролесица,
Морозный дым в логу повис.
Надкушенный покровок месяца
Скупые крошки
Сеет вниз.

Тихи поляны оробелые:
Не шумнет птаха в ивняке.
Березам снятся
Ночи белые
Да пенье весел на реке...

И долго-долго,
Страшно-страшно им
До лета время коротать!..
А Русь везде,
У пня у каждого, —
И злая мачеха
И мать!

1941

* * *

Зори да версты.
Колотьё в поясице.
Ветер шуршит берестой.
Нечему подивиться.

Выбоины. Безлюдье.
Воронов мокрых орава.
Зябкий туман распутья.
Дума: налево ль? вправо?

Вздулись на лбу прожилки.
Высинил холод кожу...
Муромец на развилке
Думал когда-то то же.

1944

* * *

В который раз одно и то ж,
В который
Цветущая дымится рожь
По косогору?

Родимый край, в который раз
Июля россыпь?
Сто лет назад, вчера, сейчас —
На зорях росы.

Все тот же галочий галдеж
Над придорожьем.
Так почему же не найдешь
Земли дороже?

Так почему же холодны
Края чужие?
А здесь седые валуны
И те живые,

И каждый листик и плетень
Любим до боли?..

Все те же песни!
Тот же день!
Все то же поле!

1942

* * *

Льют прозрачные потемки
Луговой настой.
За селом зари каемка
В темноте густой.

Не докличутся друг друга
В пожне дергачи.
Зорко месяц всю округу
Стережет в ночи.

Не шелохнется впросонках
Спеющая рожь...
Что, родимая сторонка,
Что,
Кого ты ждешь?

1942—1947

СОЛНЦЕВОРОТ

Тьма и стужа долгой ночи,
Лютой, волчьей,
Вьюг немилость,
Ветра спесь...
Ничего не изменилось:
Все как сталося,
Так и есть
Здесь.

Все осталось
Так, как сталося
Здесь:
Снеговерти куролесь,
Ночь густая,
Волчья стая,
Ветра спесь.

Пусть во поле нет приюта,
Пусть декабрь хватает круто,
Насыляет снеговой

С каждым часом злей —
Завтра станет на минуту
День длинней,
Все-таки длинней!

1941

ПОЕДИНОК

Застыли
Щуплый паренек
И толстомясый бош:
Глаза — в глаза,
Зрачок — в зрачок,
Как лезвия,
Нож в нож!

В застенке
Тишь как динамит,
Беззвучный ураган:
Устал гестаповец,
Молчит,
Ни звука — партизан!

Стоят,
Друг друга пепелят
Пять вечностей-минут!..
Спокоен, жарок синий взгляд,
Белесый — жгуч и лют.

Сошлись враги.
У одного
Цепь руки сторожит,
И все ж у недруга его
Кольт в пятерне дрожит.

Не спрячешь
Злого страха в пол,
Не спрячешь —
Прячь не прячь.
Ведь ты отвел,
Отвел,
Отвел
Свои зрачки, палац!

Мальчишке пробил час,
Сейчас...
Но что твой пистолет!
Страшней,
Вернее чистых глаз
Оружья в мире нет!

1943

НА РАССВЕТЕ

В дверную щель рассвет просунул пальцы,
Заботливо вихры погладил мальцу,
В зрачке широком искру засветил,
К девчонке русокосой потянулся...
В порог ударил кованый сапог...
— Идут!
— Они идут!..
Рассвет метнулся,
Седому старику нырнул в глаза...
— Сто первый номер!..
Нет пути назад...

И идет он, без шапки, белоголовый,
Обжигает босые ноги.
До чего ж на сугробах гребни лиловы!
До чего же пряма дорога!

И какое ж красное всходит солнце —
Я такое впервые вижу, —
И дымок над хатою мирный вьется,
И звенит воробей на крыше.

За канавой петелины, малики, сметки:
Русачок жировал под кленом...

Отчего это слезы в глазах у тетки?..
Кто он, этот черный, в зеленом?
Человек вроде.
Что ж он устался волком?
Почему он в шапке рогатой?..
Это он мне под ногти вгонял иголки!
Жизнь сулил! Обещал награду!..

А дорога пряма — прямей не бывает!
Коротка — не бывает короче!
А земля пробудилась от страшной ночи:
Под ногами огнем пылает!

1943

РАЗВЕДКА

Пятый день мокропогодит,
Свищет вегер, колобродит.
Глянешь —
Оторопь берет:
Не земля — сплошная лужа!
Под фуфайкой пляшет стужа...
— Кто в разведку?
— Мой черед.

Как медведица-старуха,
Ночь буреет,
Стонет глухо.
В гушаре — свиный смех.
На тропе лосиной топко,
Сердцу муторно и робко:
Ни попутчиков,
Ни вех.

Где он, враг,
Узнай попробуй!
В этой чертовой утробе
И своих не чуешь ног.

Забивает уши ветер...
Ты за весь отряд в ответе:
Ты — солдат.
Гляди, дружок!

1943

В ЗАСАДЕ

Ровно полночь.
Холод крут.
И курки —
Лишь пальца ждут!..

— Братцы, в лес бы завернуть,
Закусить бы да соснуть
Чуть-чуть!
Больно горько ото мха:
Одолжи чуток жмыха...
Эх, едал я до войны
Порумянее луны
Блины!

— И чудак же человек,
Будет нам ужо ночлег!
— Ша, ребята!..
Ночь ясна.
Натянулась, как струна,
Тишина.

Полнолуние.
Тень от пунь.
В омшарине плачет лунь.
Виден звук,
И слышен цвет.
Ходят рядом
Тьма и свет —
След в след.

1944

ВОРОБЬЕВЫ ГОРЫ

Они Казбеком в небе не маячат,
На их уступах тучи не гнездятся
И грозные обвалы не грохочут.

Холмы, овраги, взлобки, буераки,
Заросшие ольхою и крапивой,
Посыпанные густо рыжей пылью;
Песок сыпучий,
Сер-горючий камень,
Кузнечики, сороки и дрозды,
Случайная заблудшая коза
Да чудом уцелевшая сосна —
К пейзажу больше нечего прибавить.
Их обойдешь кругом за полчаса,
На самый верх взберешься в полминуты.
Они лежат под Витебском,
У речки,
Меж Третьяков и Волковой деревней.

Вы скажете:
Да разве это горы?

8*

115

Да, горы горя —
Воробьевы горы!

Они впитали
Столько слез и крови,
Тоски и боли,
Стонов и проклятий,
Что забывать о них
Никак нельзя!

Чтоб не смогло такое повториться,
Вы, братья-люди,
Любящие жизнь,
Обязаны о них поведать миру:
Невестам, женам, детям, внукам —
Всем!

...Год сорок первый!
Полночь декабря.
Метель по-волчьи жалобно и люто
Глумится над поверженной округой.

Закутаны в платки и бабьи шали,
В лохматых шубах,
В ватных одеялах,
В огромнейших соломенных галошах,
Как черные пещерные медведи,
Ворвавшись в лагерь,
Опьянев от крови,
Эсэсовцы справляли
Страшный праздник.

Они не пощадили никого:
Ни древних старцев,

Ни грудных младенцев,
Ни красоту, ни юность —
Ничего!

Они загнали той декабрьской ночью
На Воробьевы горы, как скотину,
Две тысячи страстей, надежд, печалей —
Две тысячи
Живых людских сердец!
Ревели танки, голосила вьюга,
Захлебывались лаем пулеметы,
Земля стонала,
Содрогалась тьма!..
И после было
Сто таких ночей!..

Чтоб не смогло такое повториться,
Друзья и братья,
Сестры и подруги!
(А с недругами счет у нас иной!)
Оберегайте мир любой ценою:
Ни сил,
Ни средств,
Ни времени,
Ни сердца,
Ни голоса,
Ни крови
Не жалея!

1955

МОСКВА

Ты до сих пор не пересох,
Свирепый мох, Соколий мох,
Наш тяжкий вздох.

Не позабыть: брели без сил,
Свинец над нами голосил,
Казался тьмою белый свет,
А главное — патронов нет!

С боков ревет, ярится бой,
Торчит «костыль» над головой,
И за спиной — полк егерей
Глухой стеной!

Ни встать, ни лечь, ни повернуть:
Трясина! Шаг ступил не так —
И все, земляк,
Окончен путь!

А впереди
На нас глядит
Немая синяя беда —

Вода!
Куда идти? Куда? Куда?..

Мы оседлали островок —
Сто сажен вдоль, сто поперек —
И залегли кольцом
В плавун,
В дурман-багун,
К врагу лицом!

Приказ:
— Держаться до утра!
Стреляют только снайпера!
Друзья, не промахнись, а го!..
— Зови Москву! Зови, браток!
— Зови, радист!
— Радист, радист, поторопись!

А до Кремля,
До ясных звезд —
Леса, поля,
Полтыщи верст!
А у Москвы недобрый день,
Тяжелый час,
Ей не до нас:
Над нею враг навис, как тень,
Там от его стальных когтей
Дрожит и дыбится земля,
Грохочут бомбы у Кремля.

Ты, мать, поймешь своих детей,
Ты не осудишь нас:
Нам без тебя нельзя сейчас,
Нельзя без помощи твоей!
— Зови, радист! Зови скорей!..

И ты пришла в глухие мхи,
Дошла, нашла, спасла,
Сама оставшись без крохи,
Патроны принесла.
— Пока живу, живете вы,
Хотя и нелегко!..

Кто говорит, что до Москвы
Далёко-далеко?

1959

НЕДУГ

Ой, скажите, скажите, сестрица,
Хоть когда-нибудь ночь перейдет?
Хоть когда-нибудь вешняя птица
Мне натенькает зорьку-восход?

Ой, сестрица, ответьте, ответьте,
Буду ль праздновать я сенокос?
Или мне не стряхать на рассвете
С буйнотравья граненых рос?

Или мне со псковскими ребятами
Заковыристых песен не петь?
Не ходить большаками покатыми,
Окунаясь в осеннюю медь?

С неподатливым словом не маяться,
Что люблю больше прозы стихи?
С языкастой женою не лаяться?
Не замаливать кровью грехи?

Или мне после тяжелой работы
Не валиться, счастливому, с ног?

Или добрые друзья — заботы
На меня наложили зарок?..

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой!
Только б не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

1959

МАТЬ

*Марии Васильевне,
матери моей*

«Извещаем, что...
...за Родину...
...с врагами...» —
В черном окоеме
Пять коротких строк.

Заходила ходуном божница,
Закачалось под ногами,
Надавил на плечи
Горбатый потолок...

Отдышалась.
Узелок заветный развязала:
Сдунула пылинку с распашонки,
Расчесала завиток волос...

Тихая,
Прямая,
Светлая,
стояла:

Ни полстона
С пересохших губ не сорвалось.

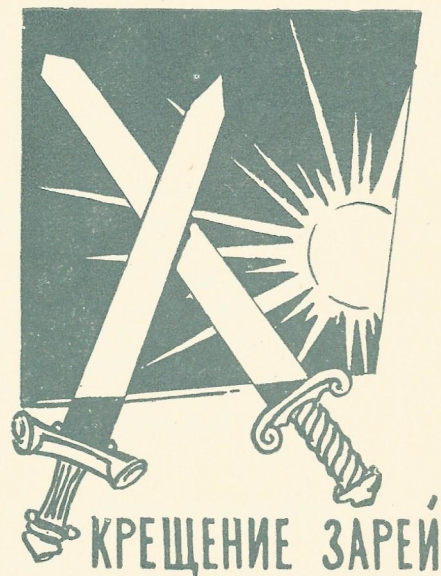
Стала успокаивать
Плачущего почтальона,
Причитающих соседок
Проводила на крыльцо.

А кругом
Плясал,
Гудел пожар зеленый,
И хлестал огонь
В открытое лицо.

Вышла за калитку.
Огляделась:
Край зари,
Дорога —
Все как было:
То же небо, то же поле...

И, скупых не пряча слез,
Сухонькой рукой
Бумажку стопудовую
Сложила:
— Будет, бабоньки.
Развиднело.
Пора на сенокос.

1943—1944

ПЕСНЯ О КОЛОКОЛЕ

В. Цыбину

*И колокольчик, дар Валдая,
Звенит уныло под дугой.*

Ф. Глинка

Псковичей сшибая с печей,
Швыряя с перин,
Сгребая с дерюг,
Как с яблонь яблоки — ветр,
Как сиверко — палый лист,
Ополночь звон взревел,
Что тьма сентября
Тягуч,
Что дьякон соборный
Басист!..

Как вздох разверзнутых недр,
Бил!
Ликовал!
Хлестал!
Грозный бронзовый град,

Добела раскаляя дух:
Бам! Бом-м! У-ух!
Сполох! Набат!

Пскове-град,
Детинец,
Посад,
Мужичонка с косой,
Купчина с кисой,
Стар и млад —
Рад не рад —
Всё на кон:
Кровь,
Кровь,
Жен,
Невест,
Нательный крест,
Живот!

Кто-то падал ниц:
— Свят, свят, свят!
Чур меня, чур!
Ахти мне, ох!.. —
Эй ты, ярыга, цыц!
Вытри возгривый нос!
У стен супостат —
Лютый ливонский пес!..
Сполох! Споло-ох!

У стен стон,
Звон
Со всех сторон,
Ключьями чад:
Котлы со смолой кипят —

Кромешный ад!
И над ночью —
Набат!
Набат!
Набат!..

*

— Ле-езут!..
— Лезешь?
Лезь, лезь:
Здесь мед-пиво
Есть, есть!

— Лезут, лезут:
Лей, лей!..
— На здоровьице,
Пей, пей!..

Понапрасну я
Не свищу, не свищу:
Шкуру начисто
Спушу, спушу!

Стоведерный жбан
Оберну, оберну,
Со стремяночки
Кувырну, кувырну!

Накось выкуси,
Закуси, закуси!..
Ладно потчуют
На Руси, на Руси!

С кем схлестнулся, змей.
Понимай, понимай!

Сеять полымя
Не замай, не замай!..

Дым. Оглобельки!
Мечи, мечи!
— Мама, мамонька!..
Кричи не кричи.

— Ишь, цепляется,
Вались, вались!
— Боже, боженька!..
Молись не молись.

— Эй, ребяташки,
Бей, бей!
Делать нечего,
Робей не робей.

Ой, головушки —
Не кочны, не кочны —
Напрочь скатываются
На песках речных.

Под уклон течет
Не вода, не вода —
Кровь горячая,
Рудым-руда!

Латы, всадники,
Топоры, топоры!..
Черным вбронам
Пиры, пиры!..

Копья, колышки,
Смола, смола!..
Люду вольному
Хвала, хвала!

*

— Чтой-то ноне непогодится.
— Год на год, вишь, не приходится.
— Кум!
Третьеводни в бору
Филин ухал поутру!
— Побожись.
— Ей-ей, не вру!
— Днем?.. Не слышал отродясь:
Не напрочил бы напасть...

Псковичи прощались с вольницей,
Земно кланялись, как водится,
Глину взбухшую месили,
Причитали,
Голосили,
Шепотком бояр бранили,
Матюгались,
Гомонили!..

Складно пели гусяры
(Знали гусли в те поры):

— Ты прости, любезный колокол,
Ой, прости, отец!
Сринет вниз, потянет волоком
Тебя стрелец.

Только мглу разъяснит серую,
Снимут буйну с плеч!..
Ты служил нам правдой-верою:
Скликал на сечь!

Супостат едва объявится —
Бил тревожный глас!
Без тебя бы нам не справиться
В смертельный час.

Под твои набаты зычные
Гуливали мы!..
Помнят вдовы горемычные
Холмы, холмы...

Не забудут крохи-сироты,
Ой, сумы, сумы..
Где ступали злыдни-ироды, —
Ой, дымы, дымы!..

Сколько жальников * горюнится:
Там кресты и тут!
Да зато чужак не сунется:
Не зван — убьют!

Ноне новость громом грянула:
Ясен князь велит,
Как взойдет заря багряная,
Тебя свалить.

Чрез Валдай, дремучим волоком,
Все в Москву везти...

* Жальник — могила русского воина.

Наш отец, любезный колокол,
Прости, прости!

*

Показалось солнце
Из-за Снятной горы,
Растолкало
Уснувший галочий хор,
Обмакнуло в Зрачку-реку
Красный ус,
Накидало в быстрину мошканы,
Покликало
Семифунтовых голавлей:
«Гуляй — не жалеи!»
И заплескал на плесе
Пир-жор!

Застучали дятлами
Остры топоры,
Заходили
И вкривь и вкось,
Кромсея
Мореный дубовый брус,
Звонкий, как булат,
Крепкий, словно кость,
Неподатливый секирам,
Как вражеским силам Русь.

С башни сыпалось эхо,
Голосило вдовой,
Прошибал рубак
Соленый пот!..
— Палач приехал!
— У-у, черт чумовой!..

— Подрубят —
Казнить почнет.
— Да, крепок звонило,
Лешак возьми!
— Не оберешься с таким возни!
— Уф, уф, уморился,
Поддай-ка ведро!..
Рубили,
Кваском остужая нутро...

Долго ль, коротко ль —
Сделали дело, —
Свалили.
Дьяк помахал платком.
И палач молотком
Ахнул в чуткое тело!..

И вот басовитый
Колокол громовой,
Не нами —
Прашурами литой,
Брошен в яму
На площади городской
Без ушей, без языка —
Немой.

— Теперь он кутенок —
Не зверь гулевой:
Не оскалит пасть,
Не взревет...

Но до соболиных потемок
За быстрянкой Псковой
Не расходился
Посадский народ.

*

Когда на небе
Зари огонь,
Затопленный ночью,
Угас,
Повезли его
О двенадцать конь
Стольной Москве напоказ.

Проезжали деревни,
Леса,
Города,
Старорусскую непролазь...
Донимала пыль,
Допекали оводá,
Чавкала извечная грязь.

Палило солнце,
Калило пески,
Поливали дожди
Ездоков.
И лежали,
Полные тихой тоски,
Дремали чащобы с боков...

Под Валдаем
Стали распрягать:
Животина умаялась вконец.
— Кто там?
— Не тати?..
Глядь-поглядь:
Скачет московский гонец.

Подъехал.
На поклажу глаза скосил.

— Грамота людям псковским:
«Повелел
Великий князь Руси
Колокол оный
Разбить на куски!
А сокрушив,
Развеять в прах:
Разнести, раскидать
На Валдайских горах!»

Взялись за кувалды:
— Сломать так сломать,
Благо силы не занимать!..

*

Валяться б осколкам
В пыли,
Таить бы
Звонкие звуки,
Когда бы не ковалі,
Не их золотые руки.

Бродили
Со склона на склон
Яругами и лесками, —
Внаклон, внаклон, внаклон:
Искали, искали, искали...

Собрали,
Прибрали лом
Да в кузне взялись за дело —
И бронза под их молотком
Оживала,
Звенела,
Пела!

— Ворон не считайте, эй! —
Басил
Сиволапый дядя. —
Не мешкай, ребятушки,
Бей:
Работка не выгоды ради!

Работаем ради Руси —
Не ради полушек да гривен..
Простынет!
Живей подноси!
— А звон-то и вправду дивен!

— Ой, ладен, честная мать:
И ласков,
И грустен,
И грозен!
— Какой там:
Не так опять! —
И хватъ колокольчик оземь!

— Да что ты, чудака человек,
Ведь так задушевно звучал он!
— Не ровен час, ладим навек:
Давай
Нагревай сначала!..

*

Валдайскую сонь
Беспокая,
С тех пор
Колоколец гудит.
И слышится сердцу
Такое,

Что словом не скажешь, поди.
И ты замолчишь,
Обновленный,
На целую жизнь
Удивленный!

Припомнятся были,
И сказки,
Припевки веселой Псковы,
Мечей забубенные ласки,
И плач безутешной вдовы,
Тягучие вопли набата —
Забытого
Вольного брата!

Зальется,
По-русски бескраен,
Душа переполнена вся:
Заходит,
Как в хату хозяин,
И кровь горячит
Не спрося!
В нем — ласка,
Любовь
И тревога,
Дорога,
Дорога,
Дорога!..

1959

СЛОВО НЕРУШИМО

— Красен колер зари:
Прочит передрягу...
— Засветить фонари!
От руля — ни шагу!
Рот гугнивый на засов!
И подбавить парусов!

— Есть, Никитушка, есть:
Сладим честь по чести!
— Не серчай, ваша честь, —
Паруса на месте.
— Молодец! Поди в куток.
Я сменю — вздремни чуток.

— Что, Кузьмич, проняло?
— Есть, хозяин, малость.
В кость стреляет зело:
Старость, вишь, не радость.
— Будем дома, минет срок:
Есть конец у всех дорог...

Эй, не мешкать в снастях!..
Предвечерьем синим
Сходим в баньку вместях,
Власть парку подкинем!..
И озноб заморский твой
Сразу снимет, как рукой.

А потом за столом
Вкусим русских брашен,
Не грустя о былом,
И споем и спляшем!
А пока возьми фонарь,
Как там наши? — посигналь.

*

— Раз на Зápсковье
Две кумы
Плясали взапуски!
Жаль — не мы.

Они наяривали
Битый час,
Подговаривали
И нас.

Раззуделся у нас
Каблук,
Разгорелся глаз:
Шире круг!

Уж мы топнули
С Егором,
Так, что во поле
Ахнул гром!

Распоясывал
Свой кушак
И подплясывал
С нами всяк!

Вот лихачество:
Крякал бор!
Смяли начисто
Тын-забор!

Горку снизили,
Втолкли в песок,
День приблизили
На часок!

Дошли до Зávеличья
Вприсядку с ним —
Не то что давеча
Ты, Ефим!

А говорил: мастак!
Ну, брат, подвел..
— Так ведь качает как!
Каб тихий пол.

Кабы земляца бы,
А то как даст! —
Не завалиться бы,
Какой тут пляс.

Вот кабы бёрежек —
Не океан, —
Да ты поверишь ли,
Да я, Иван!..

Купец — поддевку с плеч,
Не скрыл смешка:
— Кабы, кабы... — сиречь
Тонка кишка.

А ну, гляди давай,
Какой он, пляс!
Жги, гармонист!
— Валяй!
— Нажми на бас!

Гудела палуба
От резвых ног!
А ветер жалобно
Трубил в свой рог...

*

Ой, змея-тоска
Подколотная:
Ни листка, ни леска —
Глубь холодная.

Ночь темна, тяжка.
Сердце екает:
Ни лужка, ни ложка —
Даль далекая.

Облака черны,
Будто вóроны,
Волны бұры, бурнѣ —
Во все стороны.

Зыбь да хлябь кругом
Больше месяца.

Бьет крутым крылом
Ветер, бесится.

Загорись, зажгись,
Лада-зорюшка!
— Не горюй, не журишь,
Спой, Егорушка...

*

Беспокойной Маркизовой лужей,
До костей продутые стужей,
Плыли
Трое купцов-псковичей,
Трое кряжистых бородачей.

Верховодил у них
Тароватый
Сам Никита Васильич Кудлатый.
На другой
На ладье парусистой
Был Иван по прозванию Истый.
Замыкал их
Егорка Веселый,
И последний, да паря не квелый.
Отощали в пути,
Задубели:
По-людски сколько ден уж не ели.
Сколько ноченок вволю не спали!..
Еле в Немские воды попали.

*

Эх, чужая сторона.
До чего ж ты солона!
— Не волна —

Сагана:
Напоила без вина
Допьяна!
Ох-ох!
Не дай бог!

Ни луны. Ни звезды.
— Ну, сорвался конь с узды!
— Да, ревуч ветерок:
Бьет, что в твой единорог!..

В небо — в пекло:
Вал, вал, вал!..
Прозевал,
Сплоховал —
Укокошит наповал.
Ни звезды. Ни луны.
— Полу-ундра: буруны!..

День да ночь —
Сутки прочь.
День на ночь
Похож точь-в-точь:
Сивер, соль!
Сивер, соль!..
— И не жалко соли, что ль?
— Да, нескусно — пересол:
Не водица, а рассол.
— Недосол на столе,
Пересол на спине!

*

Море дыбилось!
Бахало!

Выло!
И сигналил Веселый
Уныло:
«Худо дело, Никита Васильев.
Мы тягаться с погодой бессильны.
Чтоб не сгинуть в волнах по-пустому,
Ты вели заворачивать к дому!»

Отзывался Кудлатый:
«Ребята!
Что б ни случилось, а двигаться надо!
Отступаться негоже нам, братцы:
Псковский лен ожидают британцы.
В Лондон
К сроку добраться должны мы.
Слово русских людей
Нерушимо!»

*

«Ой, родная сторона,
Смирная погодушка!
Заждалася у окна
Мблодца лебедушка.

Зарулить бы на восток,
Обернувшись соколом,
Подлететь бы чуть светок
К терему высокому!

На тесовое крыльцо
Взвить единым духом,
Глянуть в любое лицо...»
— Ух ты!

— Что с тобой, Егор Петров?..
С нами крестна сила!..
— Послезавтра там покров...
— Митьку смы-ыло!..

— Люди!.. Люди-и!.. —
Воет тьма,
В голос ветер стонет!..
— Эй, там! Что за кутерьма?
— Митька тонет!

— Крышка: нечем пособить.
С нами крестна сила!..
— Все наверх!
В рынду бить!
Подержи бахилы!..

Ветер зол, ветер — зверь!
— На́ портки!..
— Егорий!
Ты никак?..
— Живо — вервы!..
Море, море, море!..

— Стой, окстись!..
— Стой, купец,
Не губи головушку!..
— Митрий!.. Митя!..
— Двум конец.
— Не видать соловушку...

— Отгулял.
— Отбедовал.
Чем поможешь?

Нечем!.. —
Шквал за шквалом:
Вал, вал, вал!
Море рвет и мечет!..

-- Оборвешься, не лезь!
— Свегу маловато.
— На веревке что-то есть:
Дергает, ребята!

— Поживей волоки,
С нами крестна сила.
Поднажми, мужики!..
— Помолчи, Данила!

— Ближе к борту фонари.
Так. Чуток повыше бы.
— Жив?
— Полегче бери.
— Жив, лишь память вышибло..

— Митя!.. Мить! А где ж Егор?..
С нами крестна сила!.. —
Буря мчит во весь опор,
Люта!
Чернокрыла!..

Ой, далекий лада Псков,
Помолись за моряков!

*

Ночь за ночью ползла.
Дни летели.

За неделей бежали недели.
Наконец
Для починки снастей
Стали в Дании
Двое гостей.

И пытали у них иностранцы:
— Что везете?
— Ленок для британца.
Скреплена промеж нами бумага,
Литки выпиты,
Дана присяга:
Мы им —
Три корабля с волокном,
Нам они —
Девять тысяч червонцев.

Понавелились в трюмы датчане,
Пошептались,
Пожали плечами:
— Разгружайтесь:
Мы лен покупаем.
Десять тысяч сполна предлагаем!

— Десять тысяч
Не девять, вестимо,
Только слово у нас
Нерушимо!

*

Копенгаген — чудо град:
Улицы мощеные!
Женки —

Глянешь — ахнешь, брат:
Талии точеные!

Что ни грудь, то груша с пуд,
Юбки широченные!
Очесами так и жгут!
А с лица степенные.

Кабаков не перечесть!
Вин заморских дóсыта!..
— Вот ты где.
— В-верно, здесь...
Не подмокла б, Ваня,
Честь,
Видят ведь матросы-то:
Третьи сутки в стельку пьян,
— Свет Никита, с горя я...
— Помянул —
И всё, Иван:
Не вернешь Егоря!

Всё!
И совесть знать пора:
По шеям — ораву!
— Да ведь на сердце гора...
— Извиняйте нас, пора,
Прошевайте, фрау!

*

Починились.
И снова дорога.
Снова море ветряное строго.
Но, хоть их и мотало жестоко,

К месту прибыли
За день до срока.

Простояли в порту
Две недели...
— Это как же понять?
— В самом деле,
Десять раз оглядели поклажу,
А заказчики носа не кажут!

— Дело ясное,
Пахнет полвохом, —
Отозвался Кудлатый со вздохом.
Встал:
— Ну что ж,
Мы не гордые люди:
Сами к местным торговцам прибудем.

*

— Ну и Лондон!
Вот так да:
Пскова с три, чертяка!
— Тише крякай, борода, —
Не в Руси, однако.
Не в Руси, не в Руси...
— Выше голову носи!

Зол туман заморский,
Густ.
— Днем — с огнем, ребята!..
— Час идем, и хоть бы куст...
— Лесу маловато.

— Лесу, правда, не видать,
Да не хитро заплутать.

Стены,
Стены,
Стены — в ряд.
Как в колодце, сыро...
— Что, Иван, не рад?
— Не рад:
Муторно и сиро.
— Говорят: рад не рад,
Дело делать надо, брат.

Камень,
Камень,
Камень сер.
Мозгло, как в остроге...
— Русский — мы!
Долбжь-ка, сэр.
Мы за лен в иревоге.

*

Вот в торговую биржу явились,
Как порядок велел,
Поклонились,
Чинно руки друг другу подали:
Жали,
Лондонцы аж приседали,
С кисло-сладкой улыбкой
Глядели,
Сожалели:
— Мой бог, две недели!

Семенили сухими ногами.
— Извините нас —
Плохо с деньгами:
Оскудели мы — экая жалость
— Вот за восемь
Могли бы, пожалуй...

— Ой, честные купцы,
Не юлите,
Девять тысяч червонцев платите,
Как сговорено,
Девять — и баста!
Не швыряйтесь вы словом напрасно!
Разве мало вам?
Всех обирали!
Совесть знать, господа, не пора ли.

Англичане карманы трясут.
— Нет ни шиллинга лишнего тут!.. —
Уверяют,
Стоят на своем:
— Девять — нет,
А за восемь — возьмем.

Усмехнулся Кудлатый:
— Кривуши!
Будет мучать напраслиной уши.
Ну, заплещете вы у меня:
Не останется дым без огня!

*

Нет, начхать на уговор!..
— Им позор, а нам разор.

Слово — олово,
Да пустит голого.

В купчем деле не урвешь,
Ближнего не купишь,
Заработаешь не грош —
Кукиш.

Прогореть нам, вот те крест..
— Экая стыдоба!
— Стыд не дым, глаза не ест.
Надо было в оба
За купчишками глядеть..
— Не галдеть!

Что кумекаешь, Иван?
Как принять нам сей обман?
— Уступать негоже..
Я, как ты, надёжа.
— Ну, а вы?
— Мы — тоже.

— Ну, а ты, «стыд не дым»,
Ни сюды, ни туды?
Нету слова твоего:
Смолк и — шито-крыто?
— Я... Что я?.. Ничего..
Я как все, Никита.

— Барышей не видать:
Дело, братцы, худо,
Да нельзя нам забывать,
Кто мы и откуда!

Хоть без денег
Всяк худенек,
Слово-то не олово:
Уговор дороже денег.
Выше, братцы, голову!
Пусть разор,
Да не позор!..
Эй, голмач, сходи-ка, друг,
Да покличь на борт хапуг.

*

К кораблям псковичи возвратились,
Похмелились чуток,
Помолились.
И Кудлатый сказал:
— Господа!
Мы не рушили клятв
Никогда,
Сами вы виноваты во всем,
Обжигайтесь
Своим же огнем.
Вот вам
Наша последняя речь:
Крайний слева, ребята,
Зажечь!

Волокно запылало, как порох,
Англичане заохали хором:
— Это что же такое?
— Мой бог!
Гром и молния!
Гибнет ленок!
Он Британии очень ведь нужен! —

Зашушукались:
— Дешев к тому же!.. —
А Никита Кудлатый в ответ:
— Гонь теперь
Десять тысяч монет:
Девять —
Стоимость нашего льна,
А десятая —
Судну цена.

*

— Б-бе... беда!
— Ах, ах!
— Господа,
Да это ж крах!
— Нет, какие гордецы
Эти русские купцы!

— Столько денег —
В прах, в чад, —
Не в мошну, а мимо!
А они стоят, молчат...
— О, непостижимо:
Не вздохнут, не охнут,
Бровью не шелóхнут!

— О, улыбка у иных!
— Им не жаль — богаты.
— Нет понятия у них.
— Кровь холодная у них:
Азиаты.
— Ах, ах!
Деньги — в прах!..

Долго жмоты-британцы тужили.
 Наконец подошли,
 Предложили:
 — Ладно!
 Шесть за остаток даем...

— Эй, подайте мне факел с огнем!

— Платим семь.
 — Ровно десять,
 Вам ясно?
 — Так и быть,
 Восемь гысяч — согласны...
 — Ровно десять
 Иль все станет прахом!

Покосились на факел со страхом,
 Почесали затылки:
 Досадно!
 Развязали кошли:
 — Десять?!
 — Ладно!

И ответили два побратима:
 — Слово русских людей
 Не-ру-ши-мо!

1956

СОДЕРЖАНИЕ

Признание	3
---------------------	---

Буйноцветь

Глушь	7
Великая	9
Марья Степановна	12
Листобой	15
Земля	17
Новь	20
«Из почки невзрачной и малой...»	22
Рождение	24
«Приходи...»	26
«В деревне сейчас...»	28
Еселое	31
Начало песни	32
«Хорошо...»	34
В воскресенье	35
Огонек	37
Двенадцать картинок	38
«Все луга да лога...»	41

«Тряхнул плечом и грянул...»	42
«Облетевшие березники...»	43
«Я иду через покосы...»	44
«Есть на Порховщине...»	45
Приглашение в день	47

Заморозки

«Как понять...»	51
Сима, Сима	53
Омуты	55
В Михайловском	57
«Мартовским морозцем обогрет...»	60
«Ты мне кажешься полем...»	61
Дорога	62
Жаворонок	64
«Тонкий ломтик лунный...»	67
Березовый сок	68
Поздней осенью	70
Разлука	72
«Осень стежки перепутала...»	73
«Плотными сумётами...»	74
Сверстники	75
Разговор в пути	77
Егоровна	78
«Частый дождь с утра зарядит...»	81
У Вороньего камня	82
«Скошенные травы...»	84
Отповедь	86
Весеннее	88

Лихолетье

Набат	93
Помнить	95

Во тьме	98
«В селе петушья куролесница...»	100
«Зори да версты...»	101
«В который раз одно и то ж...»	102
«Льют прозрачные потемки...»	104
Солнцеворот	105
Поединок	107
На рассвете	109
Разведка	111
В засаде	113
Воробьевы горы	115
Москва	118
Недуг	121
Мать	123

Крещение зарей (поэмы)

Песня о колоколе	127
Слово нерушимо	139

Григорьев Игорь Николаевич

ЛИСТОВОЙ

Стихи и поэмы. М., «Молодая гвардия»,
1962, стр. 160.

Редактор *В. Фирсов*
Художник *Е. Евдокимова*
Худож. редактор *Н. Печникова*
Техн. редактор *Е. Григорьева*

А06177 Подп. к печ. 7/VII 1962 г.
Бум. 70×92¹/₃₂. Печ. л. 5(5,85) + 1 вкл.
Уч.-изд. л. 4,8. Тираж 19 000 экз. Заказ 517.
Цена 39 коп.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.